

Joanna Piotrowska
Uniwersytet Warszawski

УХОД ЛЬВА ТОЛСТОГО ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ В ВАРШАВСКОЙ ПРЕССЕ: ПЕРВЫЕ СООБЩЕНИЯ

Публикации в польской печати, посвященные теме ухода Льва Толстого из Ясной Поляны, не становились предметом комплексного исследования¹. Между тем, они образуют поистине гигантский материал. Достаточно сказать, что последние дни жизни русского писателя освещались практически во всех ведущих периодических изданиях на польском языке, публиковавшихся как в Царстве Польском, так и на территориях, относившихся к Пруссии и Австрии. Польские газеты на протяжении примерно месяца печатали (нередко в каждом выпуске) телеграммы (причем это были сообщения не всегда краткие), заметки, статьи, очерки, связанные с Толстым. При этом наиболее регулярно и обстоятельно о толстовском уходе писала пресса, издававшаяся в Царстве Польском, что можно объяснять принадлежностью этих территорий к Российской Империи.

В статье мы остановимся всего лишь на одном эпизоде — собственно отъезде Толстого из Ясной Поляны 28 октября (10 ноября по новому стилю²) 1910 г. Мы рассмотрим представление этого эпизода в сообщениях информативного характера, составленных по горячим следам и опубликованных в варшавских (польскоязычных) газетах. Речь идет, в частности, о таких газетах, как „Kurier Warszawski”, „Kurier Poranny”, „Gazeta Warszawska”, „Słowo”, „Goniec” („Goniec Poranny”, „Goniec Wieczorny”), „Nowa Gazeta”, „Polak-Katolik”.

Первые сообщения о неожиданном отъезде Толстого из Ясной Поляны появились в польских газетах 30 октября (12 ноября)³ 1910 г.

¹ См. публикации по этой теме: J. Orłowski: *Ostatnie lata życia Lwa Tolstoja w zwierciadle prasy lubelskiej*. „Slavia Orientalis”, 2010, № 4, с. 499–510; A. Semczuk: *Échos polonais à la mort de Tolstoj*. Traduit du russe par M. Aucouturier. „Revue des études slaves” 2010, т. LXXXI, fasc. 1, с. 47–52.

² В дальнейшем в скобках мы будем указывать дату по новому стилю.

³ Польские газеты указывали даты либо по новому стилю, либо по новому и старому стилю (двойная датировка).

т.е. в то же самое время, что в русской прессе. При этом только газета „*Kurier Warszawski*”, ведущее в этот период польское ежедневное издание, имевшее сеть собственных корреспондентов⁴, в утреннем выпуске напечатала телеграммы, датированные 29 октября (11 ноября)⁵, — соответственно из Тулы и из Москвы. В первой из них читаем:

Tula 11-go listopada. — Od księcia Oboleńskiego, najbliższego sąsiada Jasnej Polany, dowiaduję się, że wczoraj Lew hr. Tołstoj wraz z przybocznym lekarzem swym, doktorem Makowickim, zniknęli z Jasnej Polany.

Wychodząc o godz. 5-ej zrana ze swego pałacu, znakomity pisarz pozostawił list, w którym wypowiada życzenie spędzenia schyłku swego życia w samotności i odosobnieniu.

Do Jasnej Polany wezwano telegraficznie całą rodzinę Lwa hr. Tołstoja.

Zarządzone w całej okolicy poszukiwania hrabiego, dotychczas nie dały żadnego wyniku⁶.

Тула, 11-ое ноября. — От князя Оболенского, ближайшего соседа Ясной Поляны, узнаю, что вчера гр. Лев Толстой вместе со своим личным врачом, доктором Маковицким, исчезли из Ясной Поляны.

Выходя в 5 часов утра из своего дворца, знаменитый писатель оставил письмо, в котором выражается желание провести остаток своей жизни в одиночестве и уединении.

В Ясную Поляну телеграфом была вызвана вся семья гр. Льва Толстого.

Назначенные по всей окрестности поиски графа пока не принесли никаких результатов.

В телеграмме в качестве информанта указан князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский⁷, который хотя и был давним знакомым Толстого, однако, при отъезде писателя из Ясной Поляны не присутствовал⁸. Первую информацию об уходе писателя Оболенский получил от

⁴ См. Z. Kmieciak: *Prasa polska w Królestwie Polskim i Imperium Rosyjskim w latach 1865–1904*. W: *Historia prasy polskiej*. Red. J. Łojek. T. 2. Warszawa: PWN 1976, с. 14–19; Tegoż: *Prasa polska w zaborze rosyjskim w latach 1905–1915*. W: *Historia prasy polskiej...*, с. 75–76.

⁵ К этому времени относятся также первые телеграммы корреспондентов русских газет.

⁶ [В.р.]: *Zaginienie hr. Lwa Tołstoja*. „*Kurier Warszawski*” 1910, nr 313 (12 listopada, dodatek poranny), с. 5. Здесь и далее — пунктуация оригинала. Рядом приводим неполный нами перевод на русский язык.

⁷ Биографическую справку о нем см. Л.Н. Толстой: *Письмо Оболенскому Д.Д., 1860–1870 гг.* В кн.: *Летописи Государственного литературного музея*. Кн. 12: *Л.Н. Толстой*. Москва: Изд-во Гос. лит. музея 1938, с. 62.

⁸ Князь Оболенский был также автором некоторых телеграмм об уходе Толстого, опубликованных в газете „Новое время”. Известно, что уже ранее князь, разорившийся в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на поставках сухарей для армии, использовал знакомство с Толстым для поддержания своего расстроенного материального положения: „В последние годы жизни Толстого Оболенский нередко приезжал в Ясную

гонца⁹. На этот источник он, вероятно, опирался, информируя о произошедшем корреспондента газеты „Kurier Warszawski”. Сама информация, представленная в телеграмме, не содержит явных расхождений с реальным ходом событий. Но нейтральное в целом повествование нарушает довольно странная характеристика дома Толстого, который назван в телеграмме дворцом („pałac”)¹⁰. Сходное явление наблюдаем в сообщении, напечатанном в издании „Gazeta Warszawska”, где Ясная Поляна названа резиденцией („rezydencya”) Толстого¹¹. Между тем, Джеймс Мейвор, выросший в Англии канадский политэконом, который дважды — в 1899 и 1910 гг. — посетил Ясную Поляну, отмечал: „Уровень жизни в Ясной Поляне [...] был скорее ниже, нежели выше уровня семьи среднего достатка в Англии”¹². Подобный характер имеют наблюдения упомянутого князя Оболенского, который писал следующее по поводу „роскоши” в Ясной Поляне: „А по правде сказать, какая была там роскошь? Чистые 2–3 комнаты и простая пища”¹³. Указанные выше характеристики, данные польскими журналистами, которые, естественно, не были знакомы с подробностями жизни Толстого, свидетельствуют о том, что писатель воспринимался польским обществом сквозь призму распространенного мифа о зажиточном графе и царивших в Ясной Поляне богатстве и роскоши¹⁴. Как известно, этот миф поддерживал сам Толстой, который упрекал себя за то, что живет в комфортных условиях.

Далее в том же выпуске газеты „Kurier Warszawski” была напечатана телеграмма от 29 октября 1910 г. из Москвы, которая, как значилось

Поляну, чтобы потом написать фельетоны в «Русское Слово», что давало ему некоторый заработок” (там же, с. 62).

⁹ См. [Б.п.]: *Вести о гр. Л.Н. Толстом*. „Новое время” 1910, № 12441 (30 октября), с. 3.

¹⁰ В первом сообщении, отправленном Оболенским в газету „Новое время”, подобной характеристики нет. См. там же.

¹¹ См. „D. 12 b. m. o godz. 4 nad ranem „Russkija Wiedomosti” otrzymały z Tuły następujący telegram: Dn. 10 b.m. Lew Tołstoj kazał założyć konie i odjechał (ze swej rezydencji, Jasnaja Polana) wraz z lekarzem Makowieckim [sic] [...]”. [Б.п.]: *Zniknięcie hr. L. Tołstoja*. „Gazeta Warszawska”, 1910, № 310 (12 listopada), с. 3. Перевод: „12 ч. т. м. в 4 часа утра „Русские ведомости” получили следующую телеграмму из Тулы: 10 ч. т. м. Лев Толстой велел заложить лошадей и уехал (из своей резиденции Ясная Поляна) вместе с врачом Маковецким [sic] [...]”. В телеграммах, опубликованных в „Русских ведомостях”, на которые ссылается польская газета, такой характеристики нет (см. [Б.п.]: *Последние известия о Л.Н. Толстом*. „Русские ведомости” 1910, № 250 (30 октября), с. 4).

¹² Цит. по: П. Басинский: *Лев Толстой. Бегство из рая*. Москва: АСТ, Астрель 2011, с. 55.

¹³ Кн. Д.Д. Оболенский: *Несколько слов по поводу отъезда Л.Н. Толстого из Ясной Поляны*. „Новое время” 1910, № 12444 (2 ноября), с. 4.

¹⁴ Об этом см. подробнее: П. Басинский: *Лев Толстой. Бегство из рая...*, с. 54–55.

в начале, являла собой изложение сообщения корреспондента „Русского слова”.

30 октября 1910 г. в „Русском слове” были опубликованы две телеграммы от 29 октября (из Тулы), в том числе срочная с довольно подробным описанием отъезда Толстого из Ясной Поляны. По всей вероятности, к этой телеграмме и апеллирует сообщение на польском языке, поэтому рассмотрим ее подробнее:

ТУЛА, 29, X (срочная). Возвратившись из Ясной Поляны, сообщаю подробности отъезда Льва Николаевича.

Лев Николаевич уехал вчера, в 5 часов утра, когда еще было темно.

Лев Николаевич пришел в кучерскую и приказал заложить лошадей.

Кучер Андрей исполнил приказание.

Когда лошади были готовы, Лев Николаевич вместе с доктором Маковицким, взяв необходимые вещи, уложенные еще ночью, отправился на станцию Щекино.

Впереди ехал почтарь Филька, освещая путь факелом.

На станции Щекино Лев Николаевич взял билеты до одной из станций Московско-Курской железной дороги и уехал первым проходившим поездом.

Когда утром в Ясной Поляне стало известно о внезапном отъезде Льва Николаевича, там поднялось страшное смятение. Отчаяние супруги Льва Николаевича, Софьи Андреевны, не поддается описанию¹⁵.

В этой телеграмме имеются, по крайней мере, три расхождения с реальным ходом событий. Во-первых, на основании доступных нам „личных документов”, прежде всего дневников, самого Толстого и свидетелей его отъезда (Душана Петровича Маковицкого и Александры Львовны Толстой) можно предполагать, что писатель уехал из Ясной Поляны скорее всего около 6 часов утра¹⁶. Во-вторых, кучера, который

¹⁵ [Б.п.]: *Внезапный отъезд Л.Н. Толстого из Ясной Поляны (По телеграфу от нашего корреспондента)*. „Русское слово” 1910, № 250 (30 октября), с. 3.

¹⁶ Сам Толстой записал в дневнике: „В 6-м часу все кое-как уложено; я иду на конюшню велеть закладывать [...]” (Л.Н. Толстой: *Полное собрание сочинений в 90 т.* Т. 58. Москва–Ленинград: Художественная литература 1934, с. 124). Душан Петрович Маковицкий указал, что „Еще не было 5 ч. утра”, когда Толстой „[...] ушел, торопясь в кучерскую, которая была в некотором расстоянии от дома, будить кучера [...]” (Д.П. Маковицкий: *Яснополянские записки*. Кн. 4 (*Литературное наследство*. Т. 90). Москва: Наука 1979, с. 397). Далее в дневнике Маковицкого описана подготовка к отъезду.

Александра Львовна Толстая записала в воспоминаниях, что, когда она вернулась домой после отъезда отца, был „шестой час” (А.Л. Толстая: *Отец. Жизнь Льва Толстого*. Москва: Книга 1989, с. 467). С ее слов Валентин Федорович Булгаков зафиксировал в дневнике, что „В половине шестого утра пролетка тронулась со двора [...]” (В.Ф. Булгаков: *Л.Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л.Н. Толстого*. Москва: Правда 1989, с. 385). Только в дневниковой записи Софьи Андреевны Толстой от 9 ноября 1910 г. имеется помета: „[...] 1910 г. 28-го октября, в 5 часов утра, Лев Ник.

отвозил Толстого на станцию Щекино, звали Адрианом¹⁷. Наконец, в-третьих, Толстой и Маковицкий не уехали из Щекина „первым проходившим поездом”¹⁸.

Обратимся к телеграмме, помещенной в газете „Kurier Warszawski”:

Moskwa 11-go listopada. — Korespondent *Russk. słowa* z Tuły telegrafuje: We czwartek, o godz. 5-ej zrana, kiedy było jeszcze ciemno hr. Tołstoj przyszedł do stajni, kazał furmanowi, Adrjanowi, zaprządz konie, wszedł do powozu z lekarzem domowym, drem Makowickim, i ruszył w drogę. Ponieważ było jeszcze ciemno powóz poprzedzał fomal konno, oświecając drogę pochodnią.

Przyjechawszy na stację kolejową Szczekino, hr. Tołstoj wziął bilety do jednej ze stacji pobliskich, skąd już ślad dalszy zupełnie zaginał¹⁹.

Москва, 11-ое ноября. — Корреспондент *Русск. слова* из Тулы телеграфирует: В четверг, в 5 часов утра, когда еще было темно, гр. Толстой пришел на конюшню, приказал кучеру Адриану запрячь лошадей, сел в экипаж с личным врачом, д-ром Маковицким, и отправился в путь. Так как еще было темно, впереди экипажа ехал на лошади конюх, освещая путь факелом.

Приехав на железнодорожную станцию Щекино, гр. Толстой взял билеты до одной из близлежащих станций, откуда он бесследно исчез.

Процитированный фрагмент телеграммы не содержит тех расхождений, которые обнаруживаются в сообщении, напечатанном в „Русском слове”. Чем можно объяснить эти различия? Как нам кажется, корреспондент газеты „Kurier Warszawski” мог пользоваться какими-то дополнительными источниками. В преобладающем большинстве сообщений, напечатанных 30 октября 1910 г. в русских газетах, имя кучера не упоминается. Но, кроме „Русского слова”, оно появилось в вечернем выпуске „Биржевых ведомостей” (со ссылкой на лишенную даты телеграмму корреспондента „Утра России”)²⁰, и это было имя „Анриан”.

украдкой уехал из дому с Д.П. Маковицким” (С.А. Толстая: *Дневники*. Т. 2. Москва: Художественная литература 1978, с. 225).

¹⁷ См. Д.П. Маковицкий: *Яснополянские записки...*, с. 397; В.Ф. Булгаков: *Л.Н. Толстой в последний год его жизни...*, с. 385; А.Л. Толстая: *Отец. Жизнь Льва Толстого...*, с. 467.

¹⁸ По дневнику Маковицкого известно, что рассматривались два варианта: отправление в Тулу, куда, как записал Маковицкий, поезд отходил через 20 минут после их прибытия в Щекино (этот вариант предлагал Толстой), и отправление в Горбачево на поезде, которого приходилось ждать полтора часа. Маковицкий, будучи сторонником второго варианта, убедил Толстого ждать поезда в Горбачево. См. Д.П. Маковицкий: *Яснополянские записки...*, с. 398.

¹⁹ [В.р.]: *Zaginienie hr. Lwa Tołstoja...*, с. 5.

²⁰ См. [Б.п.]: *Москва, 30-го октября (По телефону от нашего корреспондента)*. „Биржевые ведомости” 1910, № 11996 (30 октября), с. 1–2.

Для объяснения указанных несовпадений, возможно, значимы также другие факторы, в частности то, каким образом — непосредственно от сотрудника „Русского слова” или же через вторые руки — и в каком виде телеграмма попала к корреспонденту польской газеты. Определенное значение могут иметь также особенности подобных изложений в целом с характерными для них сокращениями, интерпретационными и переводческими нюансами и т.д.

Предположение о том, что корреспондент газеты „Kurier Warszawski” пользовался дополнительными источниками, в том числе, возможно, информацией от сотрудников других русских газет, подкрепляет дальнейшая часть телеграммы. Напомним, что в конце сообщения, напечатанного в „Русском слове”, в общих чертах охарактеризована атмосфера в Ясной Поляне после того, как стало известно об отъезде Толстого. Заключительная же часть телеграммы в варшавской газете совсем иная:

Tolstoj powiedział do otoczenia: „Chcę ostatnie dni życia spędzić w samotności”. Kiedy hr. Tolstojowa dowiedziała się, że małżonek jej wyjechał niewiadomo dokąd, wpadła w taką rozpacz, że omal nie rzuciła się do stawu parkowego²¹.

Толстой сказал окружению: „Хочу последние дни жизни провести в одиночестве”.

Когда гр-ня Толстая узнала, что ее супруг уехал неизвестно куда, она впала в такое отчаяние, что чуть не бросилась в парковый прудю

К указанному признанию Толстого обратимся далее. Здесь отметим, что ни в одной телеграмме от 29 октября 1910 г., опубликованной в „Русском слове”, не упоминалось о попытке самоубийства Софьи Андреевны. Но такую новость сообщал корреспондент московской газеты „Раннее утро”²².

Аналогичная информация со ссылкой на „Русское слово” была включена в заметки о Толстом, напечатанные в вечерних выпусках консервативной газеты „Słowo”²³ и издания „Nowa Gazeta”, которое было органом либеральной интеллигенции. Близость этой информации к сообщению в газете „Kurier Warszawski” позволяет предполагать, что она была взята редакциями из утреннего выпуска этого издания. Укажем

²¹ [В.р.]: *Zaginienie hr. Lwa Tolstoja...*, с. 5.

²² [Б.п.]: *Л. Толстой исчез из Ясной Поляны*. „Раннее утро”, 1910, № 250 (30 октября), с. 3. Корреспонденты газет „Утро России” (1910, № 287, 30 октября), с. 3), „Биржевые ведомости” (1910, № 11996, 30 октября), с. 1–2) и „Газета-копейка” (1910, № 819, 30 октября, с. 3) также писали о покушении С.А. Толстой на самоубийство, но не уточняли, каким образом она пыталась покончить с собой.

²³ Эта заметка была в свою очередь перепечатана газетой „Kurier Polski”. См. [В.р.]: *Zniknięcie Lwa Tolstoja*. „Kurier Polski” 1910, nr 314, 13 listopada, s. 1.

на одно заметное различие. В газете „Słowo” иначе представлена информация о якобы имевшем место признании Толстого в желании одиночества: „Уже за несколько дней [до отъезда — J.P.] Толстой говорил окружению: — Хочу последние дни жизни провести в одиночестве”²⁴.

Отмеченное признание мы находим в еще одной варшавской газете, органе христианской демократии — „Polak-Katolik”: „Кучеру, который ночью отвозил его [Толстого — J.P.] на станцию, [Толстой — J.P.] сказал: ‘Хочу последние дни жизни провести в одиночестве’”²⁵.

Между тем, в русской прессе подобных эпизодов нет. Ближайшие указанным слова Толстого встречаются лишь в контексте его „прощального” письма²⁶. Можно предположить, что сотрудники польских изданий зафиксировали какие-то слухи. Однако нельзя исключать и того, что эти эпизоды попали в варшавские газеты в результате искажения информации о содержании письма Толстого Софье Андреевне²⁷. В любом случае их появление способствовало созданию польской прессой определенного образа Толстого как человека близкого к простому народу и более доверяющего посторонним, чем семье.

На фоне телеграмм как в польской, так и в русской печати по степени подробности информации выделяется сообщение, опубликованное 31 октября (13 ноября) 1910 г. в газете „Kurier Poranny”, которая имела репутацию „одного из утренних изданий, любящих сенсацию”²⁸:

²⁴ „Już w ostatnich dniach mówił Tolstoj do otoczenia: — Chcę ostatnie dni życia spędzić w samotności”. [В.п.]: *Tolstoj ukrył się*. „Słowo” 1910, nr 515, 12 listopada, numer wieczorny, с. 2.

²⁵ „Do woźnicy, który go [Tolstoja — J.P.] w nocy odwoził na stację, [Tolstoj — J.P.] rzekł: ‘Chcę ostatnie dni życia spędzić w samotności’”. [В.п.]: *Zaginienie hr. Lwa Tolstoja*. „Polak-Katolik” 1910, nr 258, 12 listopada, с. 3.

²⁶ Ср. „Л.Н. Толстой оставил записку, что желает конец жизни провести в уединении” ([Б.п.]: *Внезапный отъезд Л.Н. Толстого из Ясной Поляны...*, с. 3); „В комнате Льва Николаевича найдена записка на имя Софьи Андреевны. Толстой пишет, что хочет остаток дней своих провести в уединении [...]” ([Б.п.]: *Лев Толстой бесследно скрылся (По телефону от нашего корреспондента)*. „Утро России”, 1910, № 287, 30 октября, с. 3); „[Толстой — J.P.] Оставил записку следующего содержания: ‘Хочу остаток дней провести в уединении’” ([Б.п.]: *Л. Толстой исчез из Ясной Поляны...*, с. 3); „В найденной на имя Софьи Андреевны записке он [Толстой — J.P.] пишет, что хочет остаток дней своих провести в уединении [...]” ([Б.п.]: *Отречение Л.Н. Толстого от мира (Телеграмма собственного корреспондента)*. „Биржевые ведомости”, 1910, № 11996, 30 октября, с. 1).

²⁷ Напомним, что в „прощальном” письме жене Толстой, помимо прочего, писал: „[...] делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши после[дние] дни своей жизни”. Л.Н. Толстой: *Полное собрание сочинений в 90 т.* Т. 84. Москва–Ленинград: Гос. изд. художественной литературы 1949, с. 404.

²⁸ [В.п.]: *Choroba Tolstoja*. „Nowa Gazeta” 1910, nr 527, 17 listopada, с. 6. Установку газеты на сенсационность отмечают также историки польской прессы. См., например:

Korespondent nasz petersburski przesyła nam telegraficznie szczegóły wyjazdu hr. Tolstoja:

„Była godzina piąta rano. Tolstoj wraz z drem Makowieckim wyszli po cichu z domu i przyszli do stajni. Hr. Tolstoj kazał stangretowi Andrzejowi zaprząść konie do powozu. Stangret był niezmiernie zdziwiony, nie śmiał jednak protestować przeciw dziwnemu poleceniu i zaczął zaprzęgać. Tymczasem Tolstoj wraz z drem Makowieckim zapakował książki [i — J.P.] bieliznę do niewielkiej walizki. Około godz. szóstej wszystko było już gotowe do drogi, wkrótce potem zaś wielki starzec wraz z lekarzem opuścił gniazdo rodzinne, udając się na stację Szczekino. Przodem jechał i oświecał drogę kagańcem foryś Firsov. Hr. Tolstoj wyjechał ze stacji Szczekino pierwszym pociągiem”²⁹.

Наш петербургский корреспондент присылает нам по телеграфу подробности отъезда гр. Толстого:

„Было пять часов утра. Толстой вместе с д-ром Маковецким тихо вышли из дому и пришли на конюшню. Гр. Толстой приказал кучеру Андрею запрячь лошадей в экипаж. Кучер был безмерно удивлен, но не осмелился противиться странному приказанию и начал запрягать. Тем временем Толстой вместе с д-ром Маковецким упаковали книги [и — J.P.] белье в небольшой чемодан. Около шести часов уже все было приготовлено в дорогу, немного позднее великий старец в сопровождении доктора покинул семейное гнездо, направляясь на станцию Щекино. Впереди ехал и освещал дорогу светильником фореитор Фирсов. Гр. Толстой отъехал со станции Щекино первым поездом”.

Телеграмма являет собой сплав более детализированной по сравнению с другими газетами информации (этим можно объяснить большее количество разнообразных опечаток и неточностей³⁰). При этом сопоставление этой телеграммы с сообщениями в русской прессе позволяет утверждать, что имеем дело с компиляцией материалов из конкретных русских газет — „Петербургской газеты”, „Биржевых ведомостей” и/или „Утра России”. Приведем один пример. В телеграмме, напечатанной 30 октября 1910 г. в „Биржевых ведомостях”, помимо прочего, читаем:

Пока закладывали лошадь, Лев Николаевич вместе с доктором Маковицким спешно собирал в своей комнате необходимые ему вещи. Белье и книги были

J. Jarowiecki, W.M. Kolasa: *Najważniejsze polskie gazety do wybuchu pierwszej wojny światowej w kontekście zabezpieczenia ich dla potomnych (charakterystyka, badania, zasoby)*. W: *Gazety: Zasoby. Opracowanie. Ochrona. Digitalizacja. Promocja/Informacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej. Poznań, 19–21 października 2006*. Red. A. Jazdon, A. Chachlikowska. Poznań: Biblioteka Uniwersytecka 2006, s. 32.

²⁹ [B.p.]: [b.t.]. „Kurier Poranny” 1910, nr 315 (13 listopada), s. 3.

³⁰ Укажем лишь наиболее очевидные: „Маковецкий” вместо „Маковицкий”; „кучер Андрей” вместо „кучер Адриан”; Толстой пошел к кучеру один (Л.Н. Толстой: *Полное собрание сочинений в 90 т.* Т. 58..., с. 124; Д.П. Маковицкий: *Яснополянские записки...*, с. 397); как уже упоминалось, Толстой и Маковицкий не уехали из Щекина первым поездом (см. примеч. 18).

уложены в небольшой чемодан еще ночью. Около пяти часов все было готово, великий старец тихо, не попрощавшись ни с кем, покинул свое родное гнездо, направляясь к станции Щекино³¹.

Таким образом, отрывок сообщения в газете „Kurier Poranny”, начинающийся со слов „Tymczasem Tolstoj...” („Тем временем Толстой...”), можно рассматривать как вольный пересказ приведенного фрагмента телеграммы на русском языке.

Во всех рассмотренных сообщениях об отъезде Толстого, независимо от направленности конкретной газеты, преследовалась одна четкая цель — максимально воспроизвести информацию о произошедшем. Эти описания практически лишены оценочных суждений, поскольку для оценок отводились комментарии. В этом плане исключение составляет описание отъезда Толстого в заметке, опубликованной 1 (14) ноября 1910 г. в вечернем выпуске газеты „Goniec”, которая была органом Национально-демократической партии:

Hr. Lew Tolstoj, który od trzydziestu lat „męczył się” we wspaniałym pałacu Jasnej Polany, gdzie dawał wyraz swym ideom „anarchizmu chrześcijańskiego” za pomocą chodzenia po domu w koszuli i długich butach, oraz rąbania własnoręcznie drzewa na użytek licznej służby — zniknął nagle pewnej nocy z Jasnej Polany wraz ze swym lekarzem przybocznym, d-rem Makowickim. W pozostawionej notatce oświadczył hr. Tolstoj, że zamierza resztę dni swoich spędzić w zupełnym odosobnieniu, i prosił, aby nie próbować go szukać.

Efekt był ogromny. Hrabina Tolstoj — jak donosił skwapliwie jakiś korespondent do dzienników moskiewskich — prosiła, aby pozwolono jej utopić się w przeręblu (choć, o ile nam wiadomo, w gub. Tulskiej, gdzie leży Jasna Polana, nie było dotychczas jeszcze mrozów a zatem nie może być i przerębli)³².

Гр. Лев Толстой, который тридцать лет „томился” в великолепном дворце Ясной Поляны, где давал выражение своим идеям „христианского анархизма” расхаживанием по дому в рубашке и высоких сапогах, а также собственноручной рубкой дров для многочисленной прислуги, в одну ночь исчез вдруг из Ясной Поляны вместе со своим личным врачом, д-ром Маковицким. В оставленной записке гр. Толстой заявил, что он намеревается провести остаток дней своих в полном уединении, и просил, чтобы не пытались его искать.

Эффект был огромным. Графиня Толстая — как поспешно сообщал в московские ежедневные издания какой-то корреспондент — просила, чтобы ей позволили утопиться в проруби (хотя, насколько нам известно, в Тульской губ., где находится Ясная Поляна, пока еще не было морозов, а потому не может быть и прорубей).

³¹ [Б.п.]: *Москва, 30-го октября (По телефону от нашего корреспондента)...*, с. 1–2.

³² [В.р.]: *Robinsoniada hr. Lwa Tolstoja*. „Goniec Wieczorny”, 1910, nr 522, 14 listopada, с. 2.

Уход Толстого представлен здесь с явной иронией, которой в ведущих русских газетах, конечно, не было. При этом показателен заголовок: *Робинзонада гр. Льва Толстого*³³ (в других местах — *Приключения гр. Л. Толстого*³⁴). Мотив робинзонады и Робинзона также составляет одну из особенностей представления последних дней жизни Толстого в польской печати. На русском материале единственный раз писатель сравнивается с Робинзоном в воспоминаниях князя Оболенского, опубликованных в тот же день — 1 ноября 1910 г. — „Петербургской газетой”: „В разговоре с близкими часто он [Толстой — J.P.] называл себя шутя ‘Робинзоном’, очевидно, намекая на предстоящий отъезд”³⁵. Однако это уже тема для отдельного рассмотрения.

Итак, совершенно очевидно, что уход Толстого был для варшавских газет таким же важным событием, как для русской прессы. Главным источником сведений о поступке писателя были для польских изданий материалы корреспондентов русских газет, которые не только переводились на польский язык, но также редактировались — расширялись за счет какой-то дополнительной информации или, наоборот, сокращались (это, в свою очередь, порой приводило к сознательному или несознательному созданию определенного образа Толстого — богатого графа, человека, близкого к народу). По информационной насыщенности сообщения о толстовском уходе в варшавской печати не уступают материалам, помещенным в русских газетах. Также по степени достоверности польские и русские публикации вполне сравнимы: канва событий была представлена верно, разнообразные же неточности, опечатки и ошибки, характерные для газетных текстов в целом, касаются деталей. Однако уже на уровне оценок и интерпретаций между польскими и русскими газетами прослеживаются более существенные различия.

³³ Такой заголовок имеют также некоторые последующие сообщения об уходе Толстого. См. „Goniec Poranny” 1910, № 523, 15 listopada, с. 3; nr 525, 16 listopada, с. 3; „Goniec Wieczorny” 1910, № 524, 15 listopada, с. 5.

³⁴ См. [В.п.]: *Przygody hr. L. Tolstoja*. „Goniec Wieczorny” 1910, № 522, 14 listopada, с. 5; [В.п.]: *Przygody hr. Tolstoja*. „Goniec Wieczorny” 1910, № 526, 16 listopada, с. 5; [В.п.]: *Przygody Tolstoja*. „Goniec Wieczorny” 1910, № 526, 16 listopada, с. 5 (рубрика: *Telegramy*).

³⁵ [Б.п.]: *Князь Оболенский — об отъезде Толстого*. „Петербургская газета” 1910, № 300, 1 ноября, с. 3.

Joanna Piotrowska

WYJAZD LWA TOLSTOJA Z JASNEJ POLANY W PRASIE WARSZAWSKIEJ:
PIERWSZE DONIESIENIA

Streszczenie

Artykuł omawia pierwsze notatki i telegramy prasowe na temat wyjazdu Lwa Tolstoja z Jasnej Polany 28 października (10 listopada) 1910 r. opublikowane w gazetach warszawskich („Kurier Warszawski”, „Kurier Poranny”, „Gazeta Warszawska”, „Słowo”, dwu-edycyjny „Goniec”, „Nowa Gazeta”, „Polak-Katolik”). Analiza wymienionych publikacji pozwoliła zauważyć, że głównym źródłem informacji o „ucieczce” pisarza były materiały korespondentów gazet rosyjskich (m.in. „Russkoje słowo” i „Russkije wiadomości”). Materiały te były nie tylko tłumaczone na język polski, lecz także redagowane, co z kolei niekiedy prowadziło do kreowania określonego obrazu Tolstoja (zamożny hrabia, człowiek bliski ludowi). Niemniej, dzięki takiemu materiałowi źródłowemu, publikacje w prasie warszawskiej są szczegółowe, choć nie brak w nich, podobnie jak w tekstach rosyjskich, różnego rodzaju nieścisłości i błędów. Natomiast w ocenach zachowania Tolstoja prasa polska i rosyjska znacznie się różnią.

Joanna Piotrowska

LEO TOLSTOY'S DISAPPEARANCE FROM YASNAYA POLYANA
IN WARSAW PRESS: FIRST NEWS

Summary

The paper discusses the first news and telegrams about Leo Tolstoy's disappearance from Yasnaya Polyana on 28th October, 1910 (Nov. 10, New Style), which were published in Warsaw newspapers (“Kurier Warszawski”, “Kurier Poranny”, “Gazeta Warszawska”, “Słowo”, “Goniec” — the morning and evening edition, “Nowa Gazeta”, “Polak-Katolik”). An analysis of press publications mentioned above shows that materials from Russian newspapers correspondents (e.g. “Russkoe slovo” and “Russkie vedomosti”) were the main source of information about the writer's “escape” for Polish journalists. Those materials were not only translated into Polish, but also edited, which led sometimes to creation of a certain image of Tolstoy (a wealthy count, a man close to the people). Nevertheless, thanks to such source materials, publications in Warsaw press are detailed, but at the same time they include, as the Russian texts, various inaccuracies and mistakes. However, opinions about Tolstoy's act in the Polish and Russian press differ significantly.